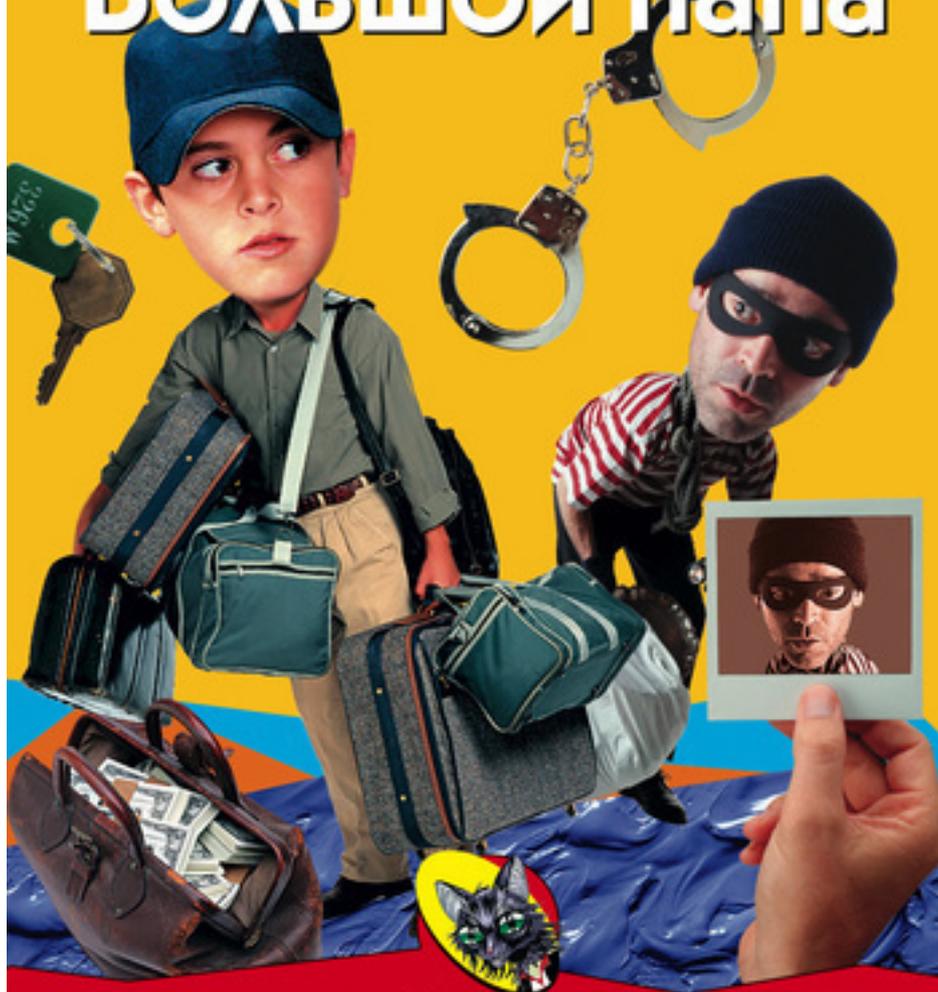

Смешной Детектив

В. Гусев

Великий жулик Большой папа

ЧЕРНЫЙ КОТЁНОК РЕКОМЕНДУЕТ

Дети Шерлока Холмса

Валерий Гусев

Великий жулик Большой папа

«ЭКСМО»

2003

Гусев В. Б.

Великий жулик Большой папа / В. Б. Гусев — «Эксмо»,
2003 — (Дети Шерлока Холмса)

Отважные и сообразительные братья Дима и Алеша едут в поезде дальнего следования. На одной из станций к составу цепляют еще один вагон – в нем перевозится имущество цирка шапито. И с этого момента в поезде начинают происходить загадочные происшествия. Исчезают проводники, пропадает бригадир состава. Какая таинственная сила скрывается за всеми этими происшествиями? Пробравшись в головной вагон, дверь которого почему-то была не заперта, они дошли до кабины машиниста... и ахнули – она оказалась пуста! А поезд мчался все быстрее и быстрее...

Содержание

Глава I	5
Глава II	10
Глава III	14
Глава IV	18
Глава V	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Валерий Гусев

Великий жулик Большой папа

Глава I

НАЧИНАЛОСЬ-ТО ХОРОШО...

Папа ворвался в наш дом, как заблудившийся ураган. Мы его никогда таким не видели. Обычно он всегда спокойный и неторопливый. А сейчас папа метался по комнатам, все время за что-нибудь хватался, что-то бросал и приговаривал:

– Быстренько, ребята, быстренько! Живо собираемся! Вечером поезд!

– Какой поезд, отец? – мама поймала его за рукав и приостановила. – Куда собираемся?

– Красивый поезд. Фирменный. В двадцать ноль-ноль за нами придет машина. В Кубанские степи!.. – И он вырвался из маминых рук и снова суетливо заметался по комнате.

Мы с Алешкой даже отошли подальше, на всякий случай. От этого урагана.

– Сидеть! – вдруг железным голосом скомандовала мама. – Смирно! Взять себя в руки! Говорить толком!

Папа вздрогнул и сразу успокоился. Он все-таки офицер милиции и привык к дисциплине. И привык слушать старших по званию. И хотя сам он был полковником, но маму почему-то называл «мой генерал».

И папа сел в кресло «по стойке смирно», взял себя в руки и заговорил толком, преданно глядя прямо в глаза «своему генералу»:

– Мне неожиданно дали отпуск. И нужно поскорее удрать, пока начальство не передумало. Я уже взял билеты на поезд. Целое вот такое купе, – он широко развел руки. – Поэтому нам надо быстро собраться и – на вокзал. Вечером уезжаем.

– Отец, – возразила мама, – вечер уже наступил.

– Это еще не весь вечер, – папа решительно хлопнул себя ладонями по коленям и встал. – С собой брать только личные вещи.

Тут мы с Алешкой переглянулись. У нас уже столько личных вещей накопилось за годы нашей жизни, что в одном – даже «вот таком вот» купе – они не поместятся. Нужно багажный вагон заказывать.

Одно было ясно – собираться надо в темпе, папа прав. У него такая работа, что никогда ничего не знаешь наперед. Я уже не говорю про отпуск. Иногда он приходит вечером домой и, разуваясь, говорит:

– Привет, друзья! А что у нас на ужин? – Тут же раздается телефонный звонок с его работы, и папа говорит, обуваясь: – Ну пока. Я пошел. Ужинайте без меня.

И хорошо еще, если он вернется домой на следующий день утром, к завтраку. А не через месяц. Иногда мне кажется, что преступники всего мира только и озабочены тем, чтобы сорвать наш семейный отдых...

И мы стали собирать личные вещи. Особенно мама. Она постоянно окликала папу своими вопросами:

– Отец! А Джек Лондон в десяти томах – это личные вещи?

Папа вздрагивал и отзывался:

– А зачем тебе Джек Лондон в десяти томах?

– А вдруг дождь? – объясняла мама.

И становилось понятно. Однажды мы поехали отдыхать на Азовское море. Там не было дождей уже двести лет. Дождь начался в тот день, когда мы приехали, и закончился в тот день,

когда мы уехали. Оттянулся по полной программе за двести лет. И мы весь месяц спали под зонтиками, потому что за эти двести или сколько-то лет наш домик так разохся, что протекал во все дырки.

И нам было, конечно, страшно скучно. Потому что на всем песчаном побережье и во всей округе не было ни библиотек, ни книжных магазинов.

Хорошо еще, что папа развлекал нас, под шум дождя, рассказами о своей далекой бурной молодости. И чаще всего он вспоминал о своих путешествиях по Белому морю. По его словам выходило, что на Белом море вообще не бывает дождей, а только снег и легкий штормовой ветерок...

– Никаких собраний сочинений в десяти томах! – отрезал папа.

– Боже мой! – тут мама всплеснула руками. – Я же курицу на ужин зажирила! Что с ней делать? Куда ее девать?

– С собой возьмем, – сказал папа. – Пусть тоже мир посмотрит.

Действительно, какая дорога без курицы?

– Курица, – напомнил папа, – смена белья, зубная щетка, кусок мыла на всех...

– И кактус! – твердо сказала мама.

Ей наша соседка тетя Оля недавно подарила зачем-то кактус в горшке. Похожий на арбуз в длинных иголках. Или на свернувшегося в клубок сердитого ежа. И он вот-вот должен был зацвести. Мама трепетно ждала этого момента. Как Буратино волшебного дерева.

Мама поставила горшок с кактусом в полиэтиленовый пакет с ручками и вынесла его в прихожую, чтобы не забыть в суматохе сборов. И все время сборов он, вредный, увеличивал эту суматоху, цепляя нас за ноги своими шипами, торчащими из пакета.

На вокзал мы приехали вовремя, состав еще не подавали, но на платформе собрались уже провожающие и отъезжающие. И провожающих было даже больше, потому что состав был небольшой, всего несколько вагонов, новеньких и блестящих. Некоторые пассажиры были налегке, как мы – с одним чемоданом на всех и с одним кактусом в сумке. А некоторые охраняли огромные бастионы из баулов, сумок, мешков и коробок.

– Гринь, – все время волновалась одна такая тетка, – как же мы погрузимся, Гринь?

– Не бойсь, Клань, – бодро отвечал ей маленький, шустрый, с бегающими глазками дядька. – Я – подаю, ты – принимаешь. Нет проблем.

Не знаю, может, у него и не бывает проблем, но всему вагону он их создал. Вместе со своей Кланей.

Когда объявили посадку, дядя Гриня так плотно закидал весь тамбур своими коробками, что тетя Кланя не успевала перетаскивать их в купе. Пассажиры заволновались. Тут пришел начальник поезда – представительный такой, симпатичный и бородатый мужчина преклонного возраста в форменном кителе и в фуражке. А когда его борода распахивалась, то мелькала под ней почему-то полосатая тельняшка.

Начальник весело распорядился вытащить весь Гринин и Кланин багаж обратно на платформу.

– Когда все пассажиры займут свои места, тогда погрузитесь, – сказал он Грине.

– Нет проблем! Граждане пассажиры, поможем мне освободить служебное помещение. Для вашей же пользы.

Когда граждане для своей же пользы освободили проход, Алешка, держа перед собой сумку с кактусом, ринулся в вагон за толстой тетей в зеленых обтягивающих брюках.

Тетя с большой коробкой с дырками лезла по ступенькам очень долго, как зеленая гусеница, и вдруг взвизгнула и обернулась:

– Ты что! Ты чем?

– Это не я, – сказал Алешка и показал на сумку. – Это маленький ежик. Вроде большого дикобраза.

– Он у тебя бешеный. На людей бросается. А ты...

Я не дал ей договорить и поспешно вставил:

– У вас брюки лопнули.

Зеленая тетя ойкнула, опять взвизгнула и, прикрывая ладонью... брюки, исчезла в вагоне.

Хорошо, что родители – они еще стояли на платформе в толпе пассажиров – не услышали этого диалога.

– Ты поосторожнее с кактусом, – сказал я Алешке.

– Дим, – обиделся он, – я же не нарочно.

Врет, конечно.

Мы нашли свое купе, и мама сразу же начала наводить в нем порядок. И в первую очередь достала из сумки свой кактус и поставила его на столик.

– Не расцвел еще? – серьезно спросил папа.

– Нет еще. У него стресс. От этой суматохи. Чемодан наверх уложи и протри столик.

Не успел папа забросить чемодан на багажную полку, как прибежала проводница Лелька – она так назвалась – в форменном костюмчике, с ямочками на щеках и пилоткой на локонах. Она протерла столик, застелила его красивой скатеркой, выровняла шторы на окнах, пожелала нам счастливого пути и защebetала в соседнем купе.

Когда состав, плавно и незаметно, тронулся, мы с Алешкой стояли в коридоре, прилипнув к окну. Все оставшиеся на платформе пассажиры шли за поездом, махали руками, посылали поцелуи и кричали какие-то советы.

И только три фигуры среди них, как нам показалось, занимались делом. Рассекая толпу граждан, вдоль состава быстро и озабоченно шли двое милиционеров в форме и служебная овчарка в наморднике. Они явно кого-то искали.

– Папу ищут! – смекнул Алешка. – Отпуск у него кончился. Молчим как две рыбы.

Милиционеры с собакой сначала обогнали нас, а потом постепенно отстали и остановились. Собака села и гавкнула. Алешка хихикнул.

Да, они действительно искали папу. Но не нашего. Папу с большой буквы. Но об этом мы узнали гораздо позже...

В купе было очень уютно. Оно было чуть побольше обычного, и спальные полки были пошире, да еще и мягкие. А в отдельном отсеке, за сдвижной дверцей, был наш собственный умывальник, над которым висел пластиковый шкафчик со всеми туалетными принадлежностями. И все было такое новенькое, чистенькое. Все в купе сверкало и радовало глаз. Похоже, оно и само радовалось своим пассажирам.

Папа сказал: нам повезло, мы едем в экспериментальном скоростном поезде. Такие прежде ходили только в Ленинград и в Санкт-Петербург. А теперь вот первый такой поезд отправился в первый пробный рейс в Краснодарский край...

– А ты говорил, – возразил Алешка, – в Кубанские степи.

– А где, по-твоему, Кубанские степи? В Сибири, что ли?

– В Кубании, – уперся Алешка, не очень сильный в географии.

– Кубань – это река, – вставила мама, разворачивая кроссворд. – Вот тут написано, по вертикали. – И без всякого перехода прервала наш спор: – Давайте ужинать.

Она задернула шторы на окне, включила над столиком матовый плафончик и разложила дорожные припасы. И в купе стало еще уютнее.

А тут еще прибежала проводница Лелька и стала щебетать и ухаживать:

– Вот вам чаек. Сейчас сахарок принесу. Кушайте, товарищ полковник. – Папа был в форме.

Когда проводница Лелька исчезла, мама недовольно проворчала:

– И чего она щебечет?

– Она в папу влюбилась, – сказал Алешка.

Мама внимательно посмотрела на папу и недоверчиво хмыкнула. А папа развернул газету – надо же знать, что происходит на просторах нашей Родины. И за ее рубежами.

Не знаю, что там за рубежами, а на просторах нашей Родины темнело, за окном вагона наступала ночь. Поезд неумоимо стучал колесами, вагон мягко покачивался. В стаканах на столике тонко позвякивали, будто напевая, ложечки. Из кактуса сердито торчали иголки.

Было очень здорово. Настроение прекрасное. Едем все вместе. Впереди – какие-то вольные Кубанские степи в Краснодарском крае...

Тут в нашу дверь кто-то постучал. Она отодвинулась, и возник бородатый начальник поезда. Он отдал папе честь и сказал виновато:

– Извините, товарищ полковник. Тут негативная информация от одной гражданки поступила. Вроде как бы в вашем купе животное провозится. Непорядок, стало быть.

– Какое животное? – удивился папа. – У нас только дети.

– Дикобраз. Бешеный.

– А... Да вот он, – и папа показал на мамин кактус. Который все никак не зацветал.

– Ишь ты! – начальник поезда посмотрел на него внимательно и задумчиво. – Ишь... Зеленый какой. На родину едет? – И как-то неуклюже подмигнул папе и попрощался.

Через некоторое время папа встал и тоже вышел.

– Пойду в тамбуре покурю, – и достал свою новенькую зажигалку. Я ее раньше у него не видел.

Через некоторое время и я выглянул в коридор. Папа не курил в тамбуре. Он стоял возле служебного купе рядом с начальником и внимательно его слушал. А тот размахивал руками, что-то бубнил и как-то тревожно поглядывал вдоль коридора.

Я тихонько задвинул дверь. Ясно – что-то подозрительное произошло в поезде. Или произойдет.

Папа скоро вернулся, сказал, что сейчас придет, и снова ушел.

Алешка с мамой воевали – кто из них будет спать на верхней полке.

– Здорово придумал! – возмутилась мама. – Ты будешь всю ночь падать с полки, а я буду всю ночь тебя ловить и укладывать обратно.

– Наоборот, что ли, лучше? – возмутился Алешка.

А я все время думал – что же произошло? И куда ушел папа? Стало, честно скажу, как-то тревожно.

Но тут пришел папа и уладил все наши проблемы:

– Женщины и дети спят внизу, – коротко распорядился он. – Остальные – наверх!

...Я очень люблю спать в поезде. Постукивают колеса, покачивается вагон, мелькают по стенкам купе тени и блики. Жаль только, что вполне насладиться этим удовольствием не получается – в поезде засыпаешь очень быстро. И спишь очень крепко...

Правда, довольно скоро я проснулся. Наверное из-за разговора мамы и папы. Разговора вполголоса. А когда говорят вполголоса, то всегда очень хочется услышать – о чем...

– Значит, ты нас опять обманул? – сердито шептала мама. – Никакой у тебя не отпуск, да? Очередное задание, да?

– Приятное с полезным, – оправдывался папа смущенным голосом. – Вы немного отдохнете, я немного поработаю.

– Знаем мы твое «немного», – вздохнула мама.

– Нет, правда, – виновато шептал папа. – Мне только надо с местными товарищами проверить один факт...

– Это не опасно? – встревожилась мама, забывая свое недовольство.

– Ничуть!..

– Тише! Ребят разбудишь.

– Их разбудишь... – Он понизил голос и зашептал так, что я почти ничего не мог разобрать. Так, отдельные фразы.

– ...Напечатали целую гору фальшивых долларов... Но они исчезли... Есть сведения, что их тайно отправили куда-то на юг, по железной дороге...

– В Кубанские степи? – по голосу я понял, что мама усмехнулась.

– Возможно... – Папа разделся и забрался наверх. И сказал мне: – Не спишь? Подслушиваешь?

Я, конечно, не ответил – что я, дурак, что ли? Только пошлепал губами, будто во сне, и отвернулся к стенке.

И мгновенно уснул, подумав, что за папой надо приглядывать.

А на самом деле оказалось, что приглядывать-то нужно за нами с Алешкой...

Глава II

ТАИНСТВЕННЫЙ ВАГОН

Утром я проснулся оттого, что поезд стоял. Вернее, оттого, что папа дернул меня за ухо и сказал:

– Пошли прогуляемся. Стоянка – двадцать минут. Славный город Курск за окном. Людей посмотрим, себя покажем.

Мы выскочили на платформу. Утро было солнечное. Яркие летние лучи освещали здание вокзала с названием города, несколько деревьев и веселых курских теток, которые продавали пассажирам плоды щедрой курской земли. В основном сигареты, сникерсы и орбиты.

Ночной разговор я почти забыл – так приветливо светило солнце, столько вокруг было нового и интересного...

Мама осталась в купе – красить глаза и губы и приглядывать за кактусом, а мы стали прогуливаться по платформе и поглядывать – что бы нам такое купить, приятное и полезное. Чуть было не купили яблоки, но они были еще такие зеленые, что даже на вид кислые.

Тут где-то, в конце состава, раздался мощный металлический стук и побежал от вагона к вагону.

– Тронулся! – обрадованно закричал Алешка. Ему, видно, очень хотелось вскочить в вагон на ходу.

– Не, – огорчил его стоящий рядом железнодорожник. – Это вам еще вагон подцепили, попутный. Цирк!

– Почему цирк? – удивился папа. – Какой цирк?

– Обыкновенный. Они на гастроли едут.

– Со зверями? – восхитился Алешка.

– Не. В этом вагоне они свое имущество везут.

– Пап, посмотрим?

– Успеем? – спросил папа железнодорожника.

Тот кивнул:

– Еще как успеете. Отродясь тут в срок не трогались. Хоть вы и фирменные.

Но цирковой вагон нас не порадовал. Он был самый обычный, товарный. С двумя узкими окошками, покрашенными изнутри белым и забранными снаружи решетками. Правда, на вагоне был нарисован тигр, похожий на рыжего кота, и написано загадочное слово «Шапито». И еще почему-то к двери была привернута табличка с собачьей мордой и предупреждением большими буквами: «Осторожно! Злая собака!» А на площадке вагона топтался охранник. Похожий на злую собаку.

– А кто такой шапито? – спросил Алешка папу. – Тигр?

Папа усмехнулся.

– Передвижной цирк. Он ездит по городам и дает представления в брезентовом шатре.

– Позавидуешь этому шапито, – сказал Алешка, и мы пошли к своему вагону.

– Не расцвел? – спросил папа, кивая на кактус, когда мы вошли в купе.

– Не видишь, что ли? – обиделась мама. – Когда он расцветет, вы все зажмуритесь.

– От запаха? – спросил Алешка.

– От красоты, – еще больше обиделась мама и нежно погладила колючки.

– Ты неправильно все делаешь, – с хитрой улыбкой посоветовал Алешка. – Нужно его немного посолить, полить минералкой и сказать ему волшебные слова.

– Какие? – заинтересовалась мама.

– «Крэкс, фэкс, пэкс»! – И он выскочил в коридор.

...Ехали мы без особых происшествий, даже немного скучновато стало. Папа читал газеты, мама разгадывала кроссворд, не сводя глаз с кактусового бутона, похожего на бородавку, а мы с Алешкой валялись на верхних полках и смотрели в окно, как там мелькают города и всякие просторы.

Ближе к вечеру мы пообедали в ресторане. Нам очень там понравилось. Особенно то, что вся посуда на столах была металлическая, не только ножи и вилки, а даже вазочки для цветов и салфеток, в которых ни цветов, ни салфеток не было.

День пролетел незаметно, под стук колес и шелест папиных газет. И под мамин шепот – она, наверное, уговаривала свой кактус, чтобы он не волновался и поскорее расцвел. А может, шептала ему волшебные слова по рецепту Буратино.

...А утром раскинулись за окном бескрайние Кубанские степи. И поезд, словно почувствовав свободу и волю, шел все быстрее и быстрее.

Но и степи – это волнующее зрелище – скоро нам надоели. Конечно, и в однообразии есть своя прелесть, как сказал папа, но не в таком же количестве.

Со скуки мы обошли весь вагон, перезнакомились со всеми попутчиками, с кем еще не познакомились раньше, попили с ними чаю раз пять, наверное. Только в одно купе мы так и не смогли попасть, в соседнее. Даже заглянуть в него не удалось. Хотя дверь его была распахнута. Но она и не могла закрыться – все купе до самого потолка было заставлено коробками и завалено сумками.

И где-то там за ними теплилась жизнь. Слышались приглушенные голоса Клани и Грини: «Ну как же, Гринь...» – «Нет проблем, Клань...»

А в пути становилось все скучнее. По крайней мере – мне. Лешка-то не умел скучать. Он даже из мелких проблем и крупных неприятностей умел извлекать массу удовольствий. А я – нет. Я попроще. Я давно это понял и давно с этой мыслью свыкся. Не всем же быть героями, кому-то надо и хлеб сеять. Чтобы героев кормить. Это так меня мама когда-то успокаивала...

Поезд все однообразнее стучал колесами. За окнами вагона – все та же однообразная степь. Иногда только покажется в солнечном мареве какая-нибудь далекая станица, где в белых домиках под зелеными деревьями живут себе кубанские казаки и кубанские казачки. Со своими казачатами.

Станица покажется, медленно развернется и постепенно исчезнет вдали. А мы едем и едем дальше...

Этот экспериментальный «скоростной» поезд только время от времени набирал свою скорость, а в основном неспешно постукивал на стыках и делал такие частые остановки, что Алешка со смешком шепнул мне как-то: «Вроде собачки, которая целый день на улице не была, у каждого столба лапку задирает».

Очень похоже. Поезд останавливался на каждой станции, на каждом полустанке и даже на дачных платформах. И машинист с помощником обходили весь состав, снимали показания всяких приборов, заносили их в путевой журнал и докладывали начальнику. Начальник изучал эти данные и давал отправление. И мы ехали дальше...

Мама либо разгадывает длинный кроссворд, либо не сводит глаз со своего кактуса. Папа не сводит глаз со своих газет, которые ему приносит симпатичный начальник поезда Юрий Иванович. Мы с Алешкой лениво валяемся на верхних полках, уже все бока отлежали. Алешка со своей высоты заглядывает в мамин кроссворд, я – в папины газеты.

– Воинское звание адмирала Нельсона, – задумчиво произносит мама.

– Старший сержант, – с усмешкой подсказывает папа.

Алешка хохочет, мама обижается и, закусив губу, вписывает в клеточки: «Адмирал».

– «Обмирал», – поправляет Алешка. – Перед боем.

– Сам ты кактус! – опять обижается мама. – Колючка вредная.

А я их уже не слушаю, меня привлекла заметка в папиной газете. Я изо всех сил свесился с полки и стал ее читать, не отрываясь.

Заметка называлась «Фальшивомонетки». Майор милиции А. Тарасов рассказывал в ней о том, что правоохранные органы обнаружили подпольный цех по изготовлению фальшивых долларов. В этом цехе работали цветные принтеры и день и ночь печатали сто долларовые купюры. «К сожалению, – сообщал майор, – нам не удалось задержать организаторов преступления, им удалось скрыться, и они объявлены в розыск, но от наказания не уйдут». Дальше он пояснил, что задержанные операторы – какие-то бедные студенты – признались, что напечатали огромное количество фальшивой американской валюты. Но куда эта валюта исчезла, объяснить не смогли. Или не захотели. «Есть сведения, – завершал заметку майор А. Тарасов, – что вся партия отправлена по железной дороге. Наши сотрудники взяли под контроль все поезда южного направления. На розыск этих фальшивых долларов брошены все наши силы».

«И наши силы – тоже», – подумал я.

– Дим, свалишься, – предупредил меня папа, поднимая голову. – Зачитался...

– Пап, как ты думаешь, куда они дели эти доллары?

– Вывезли куда-нибудь, в другие края.

– Чтобы спрятать?

– Почему спрятать? Продать кому-нибудь.

– Во они влипнут! Покупатели эти.

– Ничего они не влипнут. Они же знают, что покупают фальшивки.

Я чуть в самом деле с полки не упал. И Алешка тоже.

– Они что, дураки? – спросил он.

– Далеко не дураки, – усмехнулся папа.

И он нам объяснил.

Предположим, я напечатал миллион фальшивых долларов. И продал их Алешке. Примерно за треть цены. Алешка собирает большую команду одноклассников, раздает им доллары и посылает их обменивать на рубли. Причем в таких местах, где наивные люди не смогут разглядеть фальшивки. А поступающие рубли Алешка обменивает в банке уже на настоящие доллары. Не слабо? Конечно, миллион он не наберет, какие-то фальшивки кто-нибудь да распознает, но все равно сумма получится громадная.

– Глупость какая-то, – сказал мне Алешка. – Пошли лучше гулять.

– Это называется «гулять», – проворчала мама, – шляться по вагонам.

– А больше им негде шляться, – заступился за нас папа.

Шляться по вагонам – наше единственное, кроме чая, развлечение. И, надо сказать, неплохое. Всегда либо попробуешь что-нибудь вкусенькое, либо узнаешь что-то новенькое.

Вообще же мы все больше привыкали к нашему поезду. Обживались, знакомились. Он скоро стал казаться нам многоквартирным домом на колесах со своими жильцами, у которых были свои проблемы.

И все жильцы-пассажиры эти проблемы знали и иногда все вместе участвовали в их решении. Только Кланя и Гриня, отгородившись своим багажом, занимались лишь своими проблемами. У них даже в туалет выйти – и то проблема. Они сидели в своем купе, как в осажденном городе. И время от времени остальные жильцы милосердно просовывали в щели между коробками то бутылку воды, то пачку печенья.

В общем – дом как дом, среди степей. Несется куда-то вдаль. Но если глубоко задуматься, то и обычный дом, без колес, тоже не стоит на месте. Он тоже мчится вперед. Пусть не в пространстве, но во времени – уж точно.

Я даже высказал эту мысль папе. Он внимательно посмотрел на меня и как-то двусмысленно похвалил:

– Ты здорово поумнел. Я и не заметил.

Мне это показалось обидным. Как это так – незаметно, что человек здорово поумнел! Внутренне, значит, поумнел, а снаружи – дурак дураком остался?

А папа продолжил:

– Да, Дим, все мы живем в одном доме. И поэтому надо соблюдать в нем нравственную чистоту.

– Правильно! – горячо подхватил Алешка. – А то вон в пятом подъезде...

– Где, где? – не понял папа.

– В пятом вагоне, в шапите этом, – поправился Алешка. Он уже так освоился в нашем «скором» доме на колесах, что по городской привычке вагоны стал называть подъездами, а купе – квартирами. Если дальше так пойдет, то начальника поезда он станет домоуправом величать. А проводницу Лельку – старшим по подъезду.

– А что там, в пятом подъезде... то есть вагоне? – уточнил папа.

– А то! Окурки в окна бросают, банки из-под пива.

– Странно, – задумался папа.

И я тоже. Странно. Ведь в этом таинственном вагоне – всего одно служебное купе, а все остальное – багажное отделение. А окурки – Алешка прав – изо всех окон летят. Кто же их бросает? Трапедии и батуты?

– Когда будете шляться по подъездам... – посоветовал папа. – По вагонам то есть, скажите об этом начальнику поезда, он наведет порядок.

Ну вот, мы теперь в нашем доме – общественность, за порядком будем следить. А там, глядишь, нам и щетки выдадут. И рабочие халаты.

Но к начальнику мы зайдем обязательно. И вовсе не из-за окурков. Мы к нему вообще чаще всего заходим.

Глава III МОРСКОЙ ГНОМ

По пути в первый вагон мы кое к кому заглянули, с кем-то поздоровались, кое-кого на цыпочках обошли. Например, ту тетку в зеленых брюках, которую Лешка кактусом уколол.

Но она нас в этот раз подкараулила. Когда мы тихонько пробирались мимо ее «квартиры», дверь вдруг раскрылась, и тетка внимательно посмотрела нам вслед. И вдруг сказала Алешке доброжелательно, со смешком:

– Мальчик, у тебя шорты сзади лопнули.

Алешка машинально прикрыл руками попу, но не обиделся: оценил юмор.

– А из вашей квартиры, – ответил он не без намека, – все время конфетами пахнет.

Это в самом деле так. Дверь в восьмое купе всегда была чуть приоткрыта и оттуда тянуло каким-то сладковатым, приторным запахом. Какой-то косметикой.

– Это не конфеты пахнут, – вздохнула тетка с сожалением. – Это цветы. Я везу их в Светлорецк на выставку. Но и конфеты найдутся. Заходите как-нибудь вечерком.

– Спасибо, – ответил я. – Обязательно. Мы любим цветы.

– И конфеты, – строго добавил Алешка.

Тетка засмеялась и скрылась в своем купе.

А мы пошли дальше, по своим делам. К начальнику нашего многоквартирного поезда.

Он нам очень нравился. Начальника я имею в виду.

Когда он снимает свою форменную фуражку, то становится похожим на доброго сказочного гнома: посреди головы – розовая лысина, окруженная седыми лохмами, густая седая борода и румяные щеки, словно яблочки. И почему-то из-под кителя виднеются порой полоски тельняшки.

– Морской гном, – как-то сказал Алешка.

Что он имел в виду? Его не всегда сразу поймешь. Но чутье на хороших людей у Алешки, как у умной собаки, – никогда не ошибается.

Нравится нам начальник поезда Юрий Иванович. А его купе нравится еще больше.

Оно – особенное. Как бы из двух обычных сделанное. Просторное такое, непривычное. И чем-то неуловимым напоминает каюту капитана на большом океанском корабле. Узенькая койка, всегда аккуратно заправленная; диванчик с подушечкой; столик, на котором все время пытит и пускает дым в окошко забавный походный самоварчик, затейливо сделанный в виде старинного паровозика.

На перегородке висят стенные часы в виде корабельного штурвала и картинка из журнала, на которой рассекает пенные валы стальной красавец крейсер. А рядом – смутная такая, старая фотография мальчугана в пилотке и военной форме, с настоящим автоматом на груди. За его спиной видна какая-то стальная громада на колесах и с пушками, торчащими из нее во все стороны.

– Это ваш сын? – вежливо спросил Алешка про фотографию.

Начальник поезда, морской гном, весело рассмеялся: побежали от глаз к щечкам-яблочкам хитрые морщинки, замелькали в седой бороде несколько зубов.

– Это я сам, Леша! В боевой молодости! Когда служил в железнодорожном флоте. Бравый боец сухопутного крейсера – бронепоезда «Беспощадный».

Сухопутный крейсер, морской гном... Что ж, в дальней дороге всякое бывает.

– Вы, значит, – восхитился Алешка, – в детстве с немцами воевали?

– Еще как! – похвалился боевой гном, наливая нам красивый чай в стаканы в красивых подстаканниках. – Во! Гляди, Леха! – Он отодвинул в сторону бороду, и на его кителе, пониже тельняшки, вспыхнули два ордена и три медали – за боевые заслуги!

– У нашего папы, – не утерпел Алешка, – тоже полна грудь орденов и значков.

– Известное дело, – уважительно вздохнул гном, – он ведь тоже все время воюет... Пейте, пейте чай, ребятишки. Такого чая больше нигде не попробуете. Особенный!..

– Ага, – вежливо похвалил Алешка чай, – особенный. Из паровоза. – И громко хлюпает, и гремит ложечкой, пользуясь отсутствием мамы.

А наш поезд все мчится и мчится. И что-то в нем происходит. А мы об этом пока не знаем...

– Я ведь, ребятишки, с детства и всю жизнь мечтал моряком стать. Плавать на стальном броненосце, охранять морские рубежи Родины. А стал машинистом...

– А я всю жизнь мечтал стать машинистом, – сказал Алешка.

– Не получилось еще? – с сочувствием покачал головой Юрий Иванович.

– Получилось. Один раз, – признался Алешка.

Я тогда на эти его слова не обратил внимания. Так они, как-то промелькнули мимо. Как столбы за окошком вагона. Я, наверное, подумал, что он сказал о нашей «домашней» железной дороге – модели. Или о детской железной дороге в Кратове. А ведь Алешка имел в виду кое-что посерьезнее. В общем – проговорился. А я и не заметил...

– Был я тогда постарше Лехи, помладше Димки, – ударился в воспоминания Юрий Иванович. – Жили мы возле паровозного депо, батя мой там работал мастером. И мечтал он, чтобы я тоже пристал к паровозному делу. А тут война; батя – на фронт, я – на его место, в депо. Ладили мы там, знаете, что? Бронепоезд. Для фронта. Одевали его в броню, ставили на него орудия и пулеметы. Ну и, конечно, как сдали бронепоезд командованию, как развел он пары, загрузился продуктами и боеприпасами и двинул на фронт, я затаился в тендере, где уголь, и объявился, когда наш «Беспощадный» вовсю стучал колесами на запад. Хотели меня на первой же остановке ссадить да домой отправить – не вышло...

– Остановок не было? – догадался Алешка.

– Точно! Так и мчались мы до первого боя. Немцы тогда танковый десант бросили, чтобы железную дорогу перекрыть, а мы им со всех бортовых орудий так долбанули!

– И вы долбали?

– Нет, врать не стану. В том бою не долбал. Помогал кочегару уголек в топку бросать. Так и прижился. Командир бронепоезда приказал мне форму справиться, оружие выдать...

– И стали вы юный герой!

Юрий Иванович немного смутился:

– Не сразу, конечно. Но стал. – Он опять раздвинул бороду и показал все свои медали. – Ну, а потом уж – вся жизнь на железной дороге. Машинистом стал, всю страну объездил. Сейчас-то я пенсионер, вот и поставили меня начальником...

И вот тут его прервали. Зашуршала трансляция, и чей-то строгий голос произнес:

– Начальника поезда просят срочно пройти в кабину машиниста!

– Жаль, – сказал Алешка. – А то бы вы нам рассказали про свои боевые заслуги.

– Успею еще, путь дальний. – И он заспешил к машинистам.

А мы – к родителям.

Мама сразу же возмутилась:

– Где вы шляетесь? Мы так волнуемся!

Но Алешка сразу же ее переключил:

– Не расцвел?

Мама вздохнула с надеждой:

– Вот-вот распустится.

Тут поезд стал тормозить – какая-то станция появилась.

И мы с Алешкой тут же выскочили на платформу. Мама даже не успела крикнуть нам вслед: «Вы куда?»

Станция оказалась так себе. Какая-то мазаная избушка с надписью «касса», два дерева по ее бокам и коза, которая старательно одно из них обгладывала, тряся бородой. От удовольствия. И больше – ничего.

Мы тогда сразу помчались к «циркового» вагону – чем-то он нас привлекал. Какой-то он был загадочный. И даже морда нарисованного тигра казалась нам хитрой и вредной. У нее было такое выражение: «А я что-то знаю, да не скажу!».

Охранник вагона «Шапито» вышел на платформу и прохаживался взад-вперед, настороженно и внимательно поглядывая по сторонам. «Осторожно! Злая собака!» Он был в черной форме, с дубинкой на поясе. Подозрительно взглянул на нас. Но Алешку это ничуть не смущало.

– Дядь, – спросил он охранника, – а у вас там тигры? Дайте посмотреть.

Охранник взглянул на него искоса, сверху вниз, и небрежно бросил:

– Иди отсюда!

Алешка хамства и грубости не терпел.

– Твоя, что ль, платформа? – так же небрежно ответил он.

– Ща врежу дубинкой – узнаешь чья!

– Врежь! – Алешка остановился напротив него, задрал голову с хохолком на макушке. –

А я папу позову.

Охранник заржал, как дикий конь. Или зарычал, как дикий тигр.

– Зови! И папе твоему достанется.

Тут уж и я не стерпел.

– А ты знаешь, кто у нас папа? Полковник милиции!

– А мама – генерал, – добавил Алешка.

– Полковник... Генерал... – проворчал дикий конь. Но уже не так грубо. – Не положено здесь посторонним. Охраняемый объект.

– Ну зачем же так грубо, дорогой мой? – укорил его ласковый, прямо мурлыкающий голос.

Мы обернулись.

В дверях вагона стоял огромный толстый человек, похожий на перекормленного «Вискасом» рыжего кота. Он жмурился от степного солнца, почесывал себя за ухом волосатой рукой и мурлыкал:

– Зачем же так грубо, Костя? Такие симпатичные любознательные детишки. – И он обратился к нам: – Жаль, что ничего в этом вагоне интересного не предвидится.

– А что предвидится? – спросил Алешка.

– Хурда-мурда всякая, – промяукал громадный кот. – Трапедии, турники, батут.

– А зверей нет? – разочаровался Алешка.

– Звери, дорогой мой, в следующем поезде едут.

– Тигры?

– И тигры, и бегемоты. – Дядька ловко, несмотря на свои размеры, спустился на платформу, взял Алешку за руку и не спеша пошел вдоль состава. – И всякие другие звери.

Но от Алешки так просто не отвяжешься.

– Ну хоть злую собаку покажите, – проныл он.

– Какую собаку? – удивился кот. – Никакой здесь злой собаки нет...

«Кроме охранника», – подумал я.

– ...И доброй тоже нет. Все дрессированные собачки едут следующим поездом.

– Да вот же – у вас написано! – Алешка обернулся и ткнул пальцем в табличку с собачьей мордой.

– А... Это... – Какая-то тень пробежала по его лицу и исчезла. Оно снова стало противно-приветливым. – Это так... Предупреждение для особо назойливых. – Намек на нас, что ли? – Чтобы возле вагона не крутились. А вы в каком вагоне едете?

– А вон, – Алешка махнул рукой.

– Хороший вагон, – почему-то похвалил его громадный кот. – Мне нравится.

– А это наши родители, – Алешка показал на маму и папу, которые стояли у дверей вагона.

– Хорошие родители, – промурлыкал кот, поклонился им издали и попрощался с нами. – Заходите как-нибудь на чаек. И родителей пригласите.

– Так чего заходить? – откровенно признался Алешка. – Зверей-то в вашем вагоне нет. А чаю у нас своего навалом.

– Да, чего нет, дорогой мой, того нет, – вздохнул кот и мягкой походкой вернулся к своему вагону, где не было ни злых собак, ни добрых зверей.

Только вот звери-то там были. И не цирковые, дрессированные и добродушные. А вовсе дикие.

Но мы этого тогда еще не знали. И узнали, к сожалению, слишком поздно.

– Где бегали? – спросил папа.

– Зверей смотрели, – сказал Алешка.

– Ну и как?

– А их там нет. Одна хурда-мурда. И собачья морда.

Мама поморщилась на его вольные выражения, но ничего не сказала.

Мы поднялись в вагон, и поезд мягко и плавно отчалил от перрона.

Глава IV

ЧУК И ГЕРДА

Вагонная жизнь опять пошла своим чередом. Постукивали колеса, посвистывал электровоз, позвякивали ложечки в стаканах.

В нашем купе было совсем как дома. Папа читал газеты, мама шепталась со своим кактусом, мы с Алешкой, лежа на верхних полках, смотрели в окно, за которым ничего особенного не было. Одна только большая, совсем бескрайняя степь, над ней – круглое жаркое солнце, да парят в небе большие, вроде орлов, птицы.

Скучновато...

Но странно: поезд шел себе и шел, жизнь в нем текла спокойно и размеренно, но мне почему-то казалось, что вокруг нас происходят какие-то тайные события. Будто в театре, за занавесом, во время антракта, какие-то неведомые люди меняют декорации. Мы спокойно пьем в буфете чай с печеньем и не догадываемся, что когда занавес распахнется, то начнется совсем другое действие – таинственное, тревожное, опасное...

Я не удержался и тихо спросил Алешку:

– Тебе ничего не кажется?

– Кажется... – прошептал он. – Кажется, я в туалет хочу.

И он стал слезать с полки. Но не успел.

Дверь в наше купе широко распахнулась, и на пороге возникла громада нашего знакомого Кота.

– Пардон, – улыбнулся он, – я, кажется, ошибся. – Он обежал глазами купе, остановил свой желтый кошачий взгляд на мамином кактусе и вдруг сделал шаг назад, прикрыл глаза рукой. Будто в ослеплении. – Боже мой! – он мяукнул так, словно ему сунули под нос миску со сливками. – Не может быть! – И протянул свою мохнатую лапу в сторону кактуса: – Это же «Аспарагус магикус»! Не так ли, мадам?

Наша «мадам» немного растерялась, потом вспыхнула и зарозовела. А папа с интересом вынырнул из-за газеты.

– Вы любите кактусы? – спросила мама. – Присаживайтесь. Хотите чаю?

– С удовольствием!

А мне почему-то подумалось, что он больше обрадовался бы блюдечку со сметаной. По хитрым Алешкиным глазам я понял, что и его посетила та же мысль.

Котьяра вдвинулся в купе, и в нем стало так же тесно, как у Грини с Кланей.

– Позвольте представиться: Тимофей Васильевич, директор замечательного цирка «Шапито». Следую со своим имуществом на гастроли по великим и бескрайним Кубанским степям... А кактусы... Кактусы – это моя любовь с детства. Мне привила ее моя бедная мама. Два экземпляра я даже представил на Международной выставке кактусоводов в Брюсселе... – И он начал, прихлебывая чай, трепаться о своей любви с детства.

Мама слушала его, прижав руки к груди и широко, как Алешка, распахнув глаза. А папа дружески кивал головой и чуть заметно усмехался, одними глазами.

– Мой кактус скоро зацветет, – сказала мама. – Я жду это событие с нетерпением. Как вы считаете, долго мне еще ждать?

Кот Тимофей оглядел мамин кактус, как больной пациента, или, точнее, как кошка дохлую мышь, и сказал торжественно:

– На днях! Непременно! Это будет сказочный цветок! А вам известно, что «магикус» цветет только раз в сто лет?

– Не может быть! – воскликнула мама. – Как мне повезло!

Но эту восторженную беседу и папину усмешку вдруг прервал хриплый поездной динамик:

– Уважаемые пассажиры! К сожалению, наш состав не сможет прибыть в город Светло-репк строго по графику. Из-за неисправности путей поезд пойдет объездной веткой. Примите наши извинения.

Мы с Алешкой пожали плечами; мама, кажется, даже ничего не поняла, не сводя глаз с кактуса; папа почему-то нахмурился, а Кот Тимофей сладко зажмурился и торопливо распрощался.

Он с трудом, но очень ловко протиснулся в дверь и исчез в коридоре, неслышно ступая мягкими лапами. Сорок пятого размера.

А наш поезд замедлил ход и свернул с главной магистрали. И не сам по себе, а по расчетливой и злой воле недобрых людей. И направился прямо к ужасным опасностям и страшным приключениям, как говорит друг нашего детства неунывающий Буратино.

Но мы этого еще не знали.

А динамик снова захрипел и выдал:

– Алексея и Дмитрия Оболенских начальник поезда просит срочно пройти в его купе.

Мама сделала круглые глаза, а папа усмехнулся:

– Никак без вас не могут.

...А директор «Шапито» (Котяра Тимофей, как мы его с Алешкой прозвали) стал частенько заглядывать к нам. Или подходить к нашим родителям на платформе, когда состав останавливался в очередной раз. И он все время мурлыкал про кактусы, рассказывал про них необыкновенные вещи (такие необыкновенные, что даже не верилось. Например, он уверял маму, что семена кактусов занесены на нашу планету Земля из космоса, с планеты Марс. Их там, говорил он, навалом – будто сам только что оттуда вернулся с гастролей).

С мамой он разговаривал весело и приветливо, а с папой – уважительно. Но когда он вежливо попробовал спросить папу о том, как идет его нелегкая милицейская служба, папа так же вежливо ответил, что он сейчас в отпуске, а когда он в отпуске, то о своей работе старается не вспоминать.

– Понимаю, – сочувственно покивал Котяра Тимофей, – у вас столько проблем. Преступность совсем обнаглела. Сажать побольше надо. Чтоб другим неповадно было.

– Сажаем, – вздохнул папа. – Только я-то совсем другим делом занят. Я в паспортном столе служу.

– Вот как, – мурлыкнул Котяра и, мягко коснувшись папиного мундира, на котором были заметны дырки от орденов, улыбнулся: – А это вам, дорогой мой, конечно, дали за то, что вы своевременно и четко обеспечиваете граждан паспортами?

– И за это тоже, – в ответ улыбнулся папа.

Но странно. Котяра столько раз обещал пригласить нас к себе на чай, рассказать о проблемах циркового искусства, но так и не пригласил ни разу. И проблемы циркового искусства остались нам неизвестны. Зато вскоре возникли другие проблемы, более для нас актуальные.

Сначала мы зашли к «ботаникам». Алешка их так прозвал, очень милое семейство – четвертый вагон, шестое купе. Папа, мама и дочка Настя. Папа и мама – такие умные, жуть. Оба в очках, у обоих волосы на затылке собраны в хвостик, и все время читают. Толстые книги. Что-то в них подчеркивают, что-то выписывают, наверное, студенты. Они и дочку свою припахали. Она во второй класс перешла, и им на лето таблицу умножения задали. Бедная девочка. Сидит у окошка над листком с таблицей и губами шевелит: семью семь – сорок семь.

Алешка ее пожалел, шефство над ней взял, стал помогать. По собственному методу. Расскажет Насте какую-нибудь сказку или фильм. А потом по этому рассказу задачку задает: «У одного волка было семеро козлят. И у одной козы – тоже семеро. Сколько будет семью два?» Настя морщит лоб, хмурит брови и отвечает: «Целое стадо!»

... «Ботаники» сидели с книгами, как обычно. Настя смотрела в окно, теребила косичку и повторяла: «Семью семь – сорок семь».

Мы вежливо поздоровались, я присел в уголке, а Лешка стал заниматься с Настей. Напомнил ей рассказ про Чука и Гека, задал задачку:

– Чук принес три полена для печки. И Гек принес три полена. Сколько всего?

Настя наморщила лоб, нахмурила брови, задумалась.

Алешка подсказал:

– Два мальчика принесли по три полена. Сколько всего?

– Мало.

Алешка терпеливо вздохнул:

– Два мальчика умножить на три полена? Сколько всего?

Настя задумалась, и вдруг ее лицо осветила догадка:

– Два мальчика на три полена! Шесть!.. Мальчиков.

«Ботаники» рассмеялись, Алешка рассердился. Зашел с другого края, со стороны «Снежной королевы»:

– У Кая и Герды был розовый куст. На кусте – три ветки, на каждой ветке по два цветка. Сколько всего?

Настя нахмурила брови, наморщила нос, задумалась.

– Мы пошли, – сказал Алешка. – Думай. Обрати пойдём – спросим.

И мы отправились к начальнику поезда.

По пути заглянули к другим знакомым. Где-то чаю попили, где-то по конфетке получили. А вот у Грини с Кланей – облом. Они так и сидели, зажатые своими коробками и сумками. Только Кланя просунула в щель между ними пустую пластиковую бутылку и жалобно попросила:

– Мальчики, наберите водички.

Набрали, конечно...

– Где едем-то? – спросил невидимый Гриня.

– По степи, – сказал Алешка. – По Кубании.

– Во как! Чтой-то долго.

Мы тоже так считали.

– Большая степь, – сказал Алешка с сочувствием. – Бескрайняя.

В ответ послышалось два протяжных тоскливых вдоха...

Юрий Иванович, когда мы к нему зашли, озабоченно просматривал какие-то бумаги и ворчал:

– Что они там, слонов, что ли, кормят?

– Кто? – спросил Алешка. – Каких слонов?

– Да эти... Шапито. На каждой станции Лельку за продуктами гоняют. Их там, в вагоне, всего-то двое. А жрут... простите, едят, будто целая голодная банда.

– Значит, они все-таки цирковых зверей везут, – предположил Алешка. – Тайком. Чтобы меньше платить.

Юрий Иванович усмехнулся, покачал головой:

– Какие звери, Лех? Звери разве пиво пьют? Разве они сигареты «Ява» курят? Окорочка едят куриные? Пельмени «Сибирские»?

– Ну... – не сдавался Алешка. И намекнул: – Обезьяны, например. Такие умные среди них попадают. И пиво пьют, и сигареты курят. И окурки с банками в окна бросают.

– Ну, если обезьяны... – Он отложил бумаги. – Я вот с ними разберусь, с окурками, с банками, с обезьянками. И с вертушкой этой, Лелькой. Она первый раз в рейсе. Не хотел я ее брать – молодая, неопытная, а вот навязали. Говорят, она племянка, что ли, нашему начальнику

дороги. Попробуй откажи. – Юрий Иванович вздохнул. – Одни проблемы кругом. Помощник машиниста приболел, с рейса его пришлось снять.

– А что с ним случилось? – озабоченно спросил Алешка. – Собака укусила?

Юрий Иванович смущенно улыбнулся.

– Да нет, никто его не кусал. Детская болезнь приключилась. Съел что-нибудь... Теперь надо замену ему искать. А где? В степи? В чистом поле? – Но тут он перескочил, вспомнив, на другое. – Я вас чего позвал-то? Маршрут следования поменялся, знаете ведь... И я очень рад. Потому что поедем через станцию Солнечная. Поняли?

Конечно, чего тут не понять!

– Эх вы! Не знаете... А на этой станции – музей железных дорог. Там собраны все старые виды паровозов! Во как! Ты вот, Алеха, знаешь, что такое паровоз?

Алешка показал на самовар и нахально заявил:

– Паровоз пар возит. Кастрюлька на колесах.

Юрий Иванович с огорчением рассмеялся, а я не понял: Алешка дурака валяет или в самом деле так считает?

– А что, не так, что ли? Бензовоз возит бензин, молоковоз – молоко. Ну а паровоз – ясно что.

Тут Юрий Иванович раскипятился, как самовар. Или как паровоз. И стал рассказывать. Он много чего наговорил. Много лишнего, по-моему. Но самое главное я усвоил: паровоз – великое изобретение человечества. Не менее великое, чем, например, тепловоз, электровоз или космический корабль.

– Ему ведь ничего не нужно: ни электричества, ни дизельного, ни ракетного топлива. Только уголь или дрова. Кидай их в топку, разводи пары, поднимай давление – и вперед!

– А система блокировки у него есть? – неожиданно и как-то небрежно спросил Алешка. – И дублирующий светофор? Световая сигнализация? Радиосвязь?

Юрий Иванович как открыл рот, так и не закрывал его. Довольно долго.

Наконец опомнился:

– Ишь ты!

И они заспорили. Как два машиниста. Старый да малый. А я как дурак хлопал глазами и переводил их с одного на другого.

«...Реверс, контроллер, диапазон...»

Сначала мне стало стыдно за свою темноту, а потом я сам себя успокоил: и героев кому-то надо кормить. Голодные – какие они герои?

– Не слабо! – выдохнул морской гном и положил Алешке руку на плечо. – Я бы с тобой, парень, в дальний рейс пойти не побоялся.

– Я бы с вами тоже, – признал Алешка. – А скоро эта Солнечная?

– В аккурат через час. – Гном посмотрел на часы. – Я вас позову. Экскурсию сделаю. Директор музея – мой боевой товарищ. – Подумал и признался: – Очень боевой.

...Когда мы шли коридором мимо купе «ботаников», нас перехватила счастливая Настя. Она терпеливо сидела на откидном стульчике и вся сияла.

– Догадалась! – сказала она. – Леш, я догадалась. Про розовый куст.

– Ну? – строго спросил Алешка. – Сколько будет?

– Чук и Герда! – выпалила Настя и посмотрела на него ясными глазами.

Когда мы добрались до своего родного купе, там почему-то сидели за чаем оба «ботаника» – Зина и Женя.

Они приветливо нам улыбнулись.

– Какой славный у вас мальчуган, – похвалила Алешку Зина.

– Вы его ни с кем не спутали? – осторожно спросил папа.

Алешку спутаешь, как же! Разве что с хитрой обезьянкой.

– Под его своеобразным руководством, – добавил «ботаник» Женя, – Настя делает поразительные успехи!

Ага, очень поразительные. Трижды два – Чук и Герда.

Алешка нисколько не смутился от «заслуженных» похвал, забрался на верхнюю полку и свесил голову, чтобы ничего не пропустить из разговора «ботаников» и папы. Я тоже на всякий случай ушки наострил. Но ничего интересного мы не услышали. Взрослые разговаривали вполголоса, короткими загадочными фразами. И вообще – создавалось такое впечатление, будто папа, как Алешка Настю, проверяет их на знание таблицы умножения.

– Путевые документы? – спрашивает папа.

– Все в порядке, – отвечает «ботаник» Зина. – Мне удалось проверить через контролеров.

– А радиоперехват? – спрашивает папа. – Что-нибудь есть?

– Глухо, – отвечает «ботаник» Женя, разламывая печенье. – Одни шифровки идут.

Условные фразы.

– А именно?

– «Папа здоров. Колеса вертятся. Родственники готовятся к встрече».

Папа молча кивнул, взглянул на наши любопытные головы над полками и предложил Жене:

– Пойдемте в тамбур, покурим.

Что-то он часто курит. Наверное, из-за новой зажигалки – приятно пощелкать лишний раз.

Они ушли курить, а «ботаничка» Зина стала разглядывать кактус.

– Прелестный цветок, – сказала она вошедшей маме. – Довольно редкий.

Мама расцвела:

– Я привыкла к нему, как к верной собаке.

Лучше бы сказала: «Как к ручному ежику».

Тут вернулся папа, один. И сказал:

– Зинаида Петровна, вы оставьте мне ваши записи.

– Конечно, я их захватила с собой.

– Умница, – похвалил ее папа.

А Зинаида Петровна достала из сумочки вовсе не блокнот с записями, а какой-то небольшой предмет и передала его папе. Он сунул его в карман. Алешка мне подмигнул. Я ничего не понял, но тоже ему подмигнул, на всякий случай.

Зато папа, кажется, все понял и грозно посмотрел на нас.

– А они кто? – спросила мама, когда «ботаники» ушли.

Папа равнодушно зевнул. Так равнодушно, будто ему очень не понравился этот вопрос.

– Студенты, – сказал он. – Заочники. Я их консультирую.

Мама с таким удивлением хлопнула глазами, что послышался шорох ее ресниц.

– Вот уж не знала, что ты еще и педагог.

– Все мы в той или иной степени учителя, – философски заметил папа. – И ученики одновременно. Жизнь нас постоянно учит.

Глава V

А ГДЕ МАШИНИСТ?

Поездная трансляция зашуршала голосом начальника состава: – Обожаемые пассажиры! Наш поезд прибывает на станцию Солнечная. Стоянка поезда – двадцать одна минута. Пассажиров Оболенских – Алексея и Дмитрия – прошу зайти к начальнику состава. Срочно!

Мы с Алешкой выглянули в окошко. Наш поезд, замедляя ход, гремя колесами на стрелках, ворвался в путаницу множества путей, на которых стояли друг за другом огромные паровозы. Как новенькие, окрашенные в черный и красный цвет, с блестящими под солнцем начищенными медными частями, с высокими трубами и разными – громадными и маленькими – колесами.

– Музей! – воскликнул Алешка. – Локомотивы всякие! Пошли скорей!

– Руками ничего там не трогайте! – успела крикнуть нам вслед мама.

– И паровоз не угоняйте! – добавил папа.

(Замечу в скобках, что вот это его предостережение через несколько дней стало очень актуальным. Паровоз мы все-таки угнали. Впрочем, обо всем по порядку...)

... Дядя Юра ждал нас возле головного вагона на платформе. Он был в белом кителе с золотистыми пуговицами и нашивками. И был, как никогда, похож на капитана дальнего плавания.

– Пошли скорей! Времени мало! – Он схватил Алешку за руку, и мы бегом обогнули наш состав и перешли на соседний путь.

Паровозы оказались огромные и величественные. Как собственные памятники. И, конечно, они были красивые. Особенно нам понравился маленький старинный паровозик. Точно такой, как самовар начальника.

– Ему уже сто лет! – похвалился дядя Юра. Таким тоном, будто сообщил нам о своем собственном столетии. – Он возил вагоны из Петербурга в Москву.

У паровозика (дядя Юра называл его «трешкой») была громадная пузатая труба, глазастые фонари, впереди – стальная решетка и очень симпатичная будочка машиниста. Прицепной тендер был полон березовых поленьев, а из трубы валил густой пахучий дым.

– Живет, а! – восторгался дядя Юра. – Дышит!

Паровозик и вправду пыхтел, будто тяжело дышал, забираясь на крутую гору. Или как закипающий самовар.

Мы стояли рядом с ним, задрав головы. Я говорю: паровозик. А на самом деле его колеса были чуть пониже меня ростом, но много выше Алешки.

Вдруг в окошке будочки появился какой-то промасленный дед и радостно закричал:

– Юраша! Здорово!

Дядя Юра весь заулыбался и отдал ему честь.

Дед ловко спустился по железным ступенькам и, вытерев руки тряпочкой, поздоровался с нами.

– Куда едешь-то, Юраша?

– До Светлорецкой. Пробный рейс. На новом локомотиве.

– Молодежь знакомишь, значит? Правильно. Да ты знаешь, – вдруг он опять закричал, – твоего «Беспошадного» восстановили! На седьмом пути красуется. Веди туда юношей, покажи им, на чем воевал!

– Не успею, Петруша! Стоянка – двадцать минут.

– Успеешь! – весело пообещал дед Петруша. – Я маневрирую. Так я на вашем пути застряну – и все дела!

– А начальник станции?

– Ерунда! Скажу – реверс заело. Машине-то сто лет! Топайте.

Он ловко взобрался в будочку, высунулся, помахал нам и дернул какую-то цепочку. Паровоз весело, задиристо свистнул и, выпустив облако пара, двинул своими шатунами. Колеса с визгом провернулись – паровозик поехал. Шатуны его задвигались все быстрее – будто локти у спортсмена-бегуна.

Он прошел вперед, простучал на стрелке, оказался на нашем пути – и медленно остановился. Выдохнул пар, словно устав от непосильной работы.

Тут же раздался в динамиках грозный голос диспетчера:

– Локомотив номер три! Срочно освободите первый путь! Степаныч, офигел, что ли, убирай своего деда! Сейчас экспериментальный состав отправляю!

В ответ раздался, похожий на паровозный свисток, голос боевого деда:

– Санек! погоди, не отправляй! У меня реверс заело!

– Пошли, – усмехнулся дядя Юра. – Теперь успеем. Петя – боевой старик. Мы воевали вместе. Он сын полка был, разведчик. С ним не пропадешь. Он один раз трех фашистов в плен взял – двух офицеров и фельдфебеля. А было ему двенадцать годков. Вот так вот!

Все это дядя Юра «выпыхтел» на ходу, когда мы бегом пересекали пути, обходя целое стадо паровозов. И вдруг остановились...

На седьмом пути стояла грозная стальная громада, выкрашенная в зеленый и желтый цвета плавными разводами.

Эта громада была вся закована в толстую броню; шляпки заклепок на этой броне были с хорошее блюдо величиной. На некоторых вагонах высились орудийные башни, из которых торчали стволы орудий.

Суров, грозен и мрачен был этот бронепоезд. И в самом деле похожий на морской броненосец. У него даже название было нарисовано на стальном борту – «Беспощадный».

Дядя Юра стал по стойке «смирно» и приложил ладонь к фуражке. А потом снял ее и незаметно смахнул со щеки скупую мужскую слезу.

Мы тоже торжественно помолчали, а потом Алешка уважительно сказал:

– Крепость на колесах.

– Ага, – добавил растроганный Юрий Иванович, – железнодорожный крейсер.

И мы пошли вдоль всей этой громадины железнодорожного крейсера.

Я молчал, немного подавленный его мощью и неприступной суровостью. А Лешка трещал, как воробей. И вопросы из него сыпались горохом.

– А что это у него за раскоряки на крыше?

– Зенитные пулеметы. Мы ими отражали атаки немецких самолетов.

– А почему паровоз в середине состава?

– Ну как же! Он, хоть и бронированный, но самый уязвимый. Подобьют его – и всему поезду конец. Потому и командирская рубка у него в тендере, и узел связи там же.

– А это что за платформа?

Мы уже дошли до передней бронеплощадки «Беспощадного». Сплошная броня, никаких окошек, только узкие бойницы, закрытые толстыми щитками, да всякие люки для доступа ко всяким механизмам.

– А это контрольная платформа, – как настоящий экскурсовод в настоящем музее, пояснил Юрий Иванович.

– А она кого контролирует?

– Она пути контролирует. Положим, заложил враг под рельсы мину. Она где рванет? Под контрольной платформой.

– Вот беда-то! – ахнул Алешка.

– Никакая не беда, а вовсе даже счастье. Бронепоезду никакого вреда, а на платформе у нас запасы – рельсы, шпалы, костыли, инструмент необходимый. Быстренько путь починили – и дальше вперед. Вот так вот. А на другом конце еще одна такая же платформа. Мы на ней еще один запас держали – грузовик для подвоза боеприпасов, два мотоцикла, бронедрезину...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.